

Прошло добрых полчаса. Цинь Фань и Цзян Хэн, застывшие на заднем сиденье, пребывали в весьма противоречивых чувствах, тогда как щеголявший в цветастой рубашке крепыш впереди вовсю травил анекдоты, пересмеиваясь с водителем.

Цинь Фаню было не по себе. Стоило ему услышать заветное слово «сяншэн», как он, точно замороженный, послушно нырнул в машину вслед за незнакомцем. А теперь, когда первый порыв утих, парня начал грызть страх. Кто знает, что это за тип? Хорошо, если честный человек, а если...

«Голова садовая! Ведь читал же в интернете сотни раз: никогда, ни при каких обстоятельствах не садись в машину к незнакомцам!» — Цинь Фань едва не кусал локти. В памяти всплывали жуткие заголовки криминальной хроники: черные копатели, подпольные рудники, где похищенных бедолаг заставляют вкалывать за миску пустой баланды, а за малейшую провинность забивают до полусмерти.

«Может, выпрыгнуть на ходу? — лихорадочно соображал семнадцатилетний юноша, чей жизненный опыт ограничивался школьными буднями и сериалами. — В кино герои только так и делают. Хотя... как бы самому шею не свернуть».

Вконец издергавшись, он покосился на Цзян Хэна. Тот сидел молча, и Цинь Фань уже набрал в грудь воздуха, чтобы шепнуть что-нибудь, но вовремя осекся — вдруг «цветастый» услышит?

Цзян Хэн, словно почувствовав волнение спутника, повернул голову и ободряюще взглянул на него. В этом спокойном, уверенном взоре было нечто магическое: Цинь Фань моментально выдохнул, и паника отступила. В конце концов, их двое. Если этот тип решит выкинуть фокус, они как-нибудь отобьются. В силу своей наивности парень даже не задумался о том, что Цзян Хэн и их провожатый могут быть заодно.

Сам же Цзян Хэн беспокоился куда меньше. Глядя на мужика в рубашке, он видел не бандита, а скорее человека с сомнительными манерами, но без гнили внутри — за годы скитаний он научился неплохо разбираться в людях. Его занимало другое: откуда этот незнакомец узнал про их желание учиться сяншэну? Неужели следил? И если так, то зачем им понадобились двое случайных бродяг? Впрочем, Цзян Хэн не боялся. Жизнь успела повалить его в грязи и закалить в таких переделках, перед которыми пасовали и более крепкие мужики.

Машина тем временем петляла по узким улочкам, пока не углубилась в старые кварталы имперской столицы. Здесь время словно замерло: вокруг тянулись бесконечные серые стены сыхюаней, дышавшие историей и пылью веков.

Автомобиль затормозил у входа в один из хутонов.

— Приехали, — скомандовал «цветастый». — Вылезайте.

Цинь Фань огляделся. Место не походило на безлюдную глушь, и он окончательно успокоился.

Подхватив свои тюки, они с Цзян Хэном двинулись вслед за мужчиной. Миновав пару поворотов в лабиринте переулков, они остановились перед открытыми дверями небольшого дворика.

Сыхэюань выглядел, мягко говоря, плачевно. Ступени у входа пошли глубокими трещинами, из которых нагло пробивался бурьян. По бокам от входа еще стояли почетные каменные тумбы-иероглифы, но время стерло их резьбу до неузнаваемости. Старые створки ворот, изъеденные ржавчиной, держались на честном слове и вряд ли могли защитить от чего-то серьезнее сквозняка.

Провожатый, не заходя внутрь, зычно крикнул:

— Старейшина Чжан! Я привел их!

Цинь Фань и Цзян Хэн с любопытством переступили порог. Дворик оказался крошечным, едва ли квадратов на шестьдесят, и был завален всяким хламом. Посреди этого творческого беспорядка, ничуть не смущаясь гостей, величественно расхаживал огромный петух.

Парни переглянулись, гадая, куда же их занесло, но тут из дверей главного дома вышел человек. Это был высокий, исхудавший старик. Несмотря на глубокие, точно вспаханное поле, морщины — на вид ему было никак не меньше восьмидесяти, — в его движениях чувствовалась былая бодрость. В руке он сжимал старинную курительную трубку, а шел приметно припадая на одну ногу.

Хромой Чжан замер посреди двора, прищурившись. Он цепко оглядел гостей, сохранив в глазах живой блеск. Старик затаился, выпустил облачко дыма и довольно закивал.

— Хороши, — прошамкал он, расплываясь в беззубой ухмылке. — В самый раз. Черный пес и белый кабанчик — живые талисманы богатства!

Парни оторопели. «Ну и дед, — пронеслось в голове у Цинь Фаня, — за словом в карман не лезет. Мы ему люди, а не скотный двор!»

Зато провожатый зашелся в громовом хохоте:

— И впрямь! Один чернявый, как щенок, а второй бледный, точно молочный поросенок! Ха-ха-ха!

Цинь Фань вспыхнул. Какой еще чернявый? Это здоровый загар, пшеничный цвет, если угодно! Он недовольно покосился на Цзян Хэна и замер. «А ведь и правда... бледный как смерть. Раньше и не замечал». На фоне товарища он и впрямь казался изрядно подкопченным.

Мужик в рубашке, не обращая внимания на обиды парней, хлопнул в ладоши:

— Дело сделано, старейшина. Я, пожалуй, откланяюсь.

Он шутливо сложил руки в традиционном приветствии и, крутанувшись на каблуках, исчез за воротами.

Старик снова пыхнул трубкой, глядя на озадаченных парней.

— Значит, сяньшэну обучиться желаете?

Цинь Фань взглянул на Цзян Хэна, потом на деда. Бросив сумки на землю, он невольно выпятил грудь, стараясь казаться солиднее. Теперь, когда их осталось двое против одного немощного старика, страх окончательно испарился.

— Желаем, — выпалил он. — А вы что, мастер? Сами-то умеете?

— Ишь ты! — Старик весело хмыкнул. — Да есть ли в этом подлунном мире хоть что-то, чему бы я не мог обучить?

И прежде чем парни успели вставить хоть слово сомнения, Хромой Чжан выпрямился, набрал воздуха и, точно по мановению волшебной палочки, затараторил так, что у слушателей голова пошла кругом. Это был классический «гуанькоу» — самый сложный монолог-скороговорка:

— Коли спросите вы про места заветные, где сокровища сокрыты да камни самоцветные, так я сразу укажу на башню из сияющего стекла — в пять ярусов да три вершка! На той башне окна из хрусталя, по карнизам жемчуга горят, а сами стены — чистый цвет: тут и красный, и зеленый, и розовый, и белый... Внутри же на первом ярусе сад разбит чудесный, цветами дивными усаженный, взор туманящий! А посреди сада в беседке дева сидит прекрасная: губки вишневые — румян не надобно, брови месяцем — взор волнуют, а в очах искорки пляшут, сердце из груди вынимают...

Поток слов лился с невероятной скоростью, напоминая пулеметную очередь, но при этом каждый звук, каждый слог чеканился четко и ясно. Перед глазами Цинь Фаня и Цзян Хэна, точно в тумане, начала явственно проступать та самая башня и красавица в беседке.

Закончив, старик дважды кашлянул, невозмутимо затянулся трубкой и, глядя на остолбеневших юнцов, разразился довольным смехом.

Первым пришел в себя Цинь Фань. Он восторженно вытянул большой палец:

— Дед, ну вы даете! Строчите прямо как из пулемета! Настоящий мастер!

— Тьфу на тебя! — шутливо огрызнулся старик. — Нашел с чем сравнивать!

Цинь Фань лишь широко улыбнулся, потирая затылок. Цзян Хэн тоже не сдержал усмешки. Они переглянулись, и в этом немом обмене взглядами читалось общее решение: кажется, этот невзрачный хромо́й старик и впрямь был великим мастером, чей талант скрыт от глаз толпы.

Может, стоит у него остаться?

<http://bllate.org/book/17504/1648679>